

RU

Религиозно-философское обоснование идейного смысла романа Сухбата Афлатуни «Муравьиный царь»

Раджабова Г. А.

Аннотация. Цель исследования - раскрыть особенности художественного осмысления религиозно-философской проблематики в романе узбекского русскоязычного писателя Сухбата Афлатуни «Муравьиный царь», который анализируется в аспекте неомифологической художественной системы. Научная новизна состоит в том, что роман впервые изучается в границах мифопоэтического метода с точки зрения религиозно-философского обоснования идейного смысла произведения. В результате исследования выявлены элементы неомифологической поэтики, особенности эсхатологической проблематики, а также разработано обоснование идеи: вне зависимости от национальности и вероисповедования существует возможность обретения нравственного идеала через нелёгкий путь духовного очищения.

EN

Religious and Philosophical Aspects of the Novel “The Ant Tsar” by Sukhbat Aflatuni

Radjabova G. A.

Abstract. The paper reveals specificity of artistic interpretation of religious and philosophical problems in the novel “The Ant Tsar” by the Russian-language writer of Uzbekistan Sukhbat Aflatuni. The novel is examined in terms of the neo-mythological artistic system. Scientific originality of the study lies in the fact that Aflatuni’s novel is for the first time subjected to a mytho-poetical analysis with a view to reveal its religious and philosophical meaning. The research findings are as follows: the author identifies elements of neo-mythological poetics, discovers specificity of eschatological problematics, reveals the main idea of the novel - everybody, regardless of nationality and faith, can achieve moral ideal, it’s a difficult path of spiritual purification.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена возросшим интересом к творчеству узбекского русскоязычного писателя Сухбата Афлатуни, которое получило высокую оценку на всероссийском уровне. Его роман «Муравьиный царь» является малоизученным произведением, что, несомненно, привлекает интерес к дальнейшему исследованию. Роман впервые анализируется в аспекте неомифологической художественной системы, «расшифровка» кодов которой определяет актуальность исследования. Соотнесённость реально-психологического и фантастического элементов позволяет писателю акцентировать внимание на нравственно-философских проблемах, которые ставит современность на российском и постсоветском азиатском пространстве. Включение в структуру романа трансформированных мифов о муравьином царе, о девочке-вампирице, сказка о Колобке, фантастические образы кота, бессмертных существ – геронтов, откровенные аллюзии на Рай, Ад, Чистилище – всё это репрезентирует глобальные общечеловеческие проблемы.

Поставленная цель подразумевает решение следующих задач: а) исследовать религиозно-философское обоснование идейного смысла романа Сухбата Афлатуни «Муравьиный царь»; б) выявить восточную тематику в произведениях Сухбата Афлатуни; в) исследовать элементы поэтики неомифологизма; г) определить значение образа Чистилища в романе «Муравьиный царь».

В исследовании были использованы такие методы, как мифопоэтический и сравнительный.

Теоретической базой исследования являются параметры мифопоэтического метода. В частности, идея внеисторического бытия мифологических архетипов (К. Юнг, Ж. Деррида, Ю. Лотман), их транспективности и «вечного возвращения» (Ф. Ницше), понимание мифа как структурной основы фольклорно-литературной

традиции (Н. Фрай), как кодифицированной системы культурного общения, реализуемого на основе семантического кода (У. Эко, Ц. Тодоров), рассмотрение культурной поэтически-речевой деятельности в качестве индивидуального акта «выбора и актуализации» мифологических смыслов (Р. Барт). Кроме того, в работе использованы теоретические наблюдения Э. Ф. Шафранской [11-13], проанализировавшей некоторые мотивы произведений Сухбата Афлатуни в контексте русской культуры и рассмотревшей палимпсест как художественный прием в прозе писателя на примере анализа рассказа «Проснуться в Ташкенте». Исследования Н. А. Томиловой о специфике мотива дервишества в творчестве Сухбата Афлатуни [10], И. С. Юхновой [14; 15] о «чужих сюжетах» в повести «Глиняные буквы, плывущие яблоки», А. В. Емелиной [3] и А. Б. Диденко [2] о роли музыки в трилогии Сухбата Афлатуни «Поклонение волхвов» позволили нам убедиться в мифопоэтической направленности творчества узбекского русскоязычного писателя.

Практическая значимость статьи заключается в том, что исследованный материал может быть использован в гуманитарных подразделениях высших и средних профессиональных учебных заведений при формировании учебных пособий и методических указаний по истории и теории национальных литератур, а также может послужить фундаментом для дальнейшего научного исследования.

Творческая биография и художественный мир русскоязычного поэта и прозаика Сухбата Афлатуни

Сухбат Афлатуни, что означает в переводе с арабского языка «Диалоги Платона», а точнее «Беседы с Платоном», – это литературный псевдоним Евгения Викторовича Абдуллаева, талантливого, но малоизвестного русскоязычного поэта и писателя Узбекистана. Он прозаик и критик, историко-антиковед, кандидат философских наук, живущий в Узбекистане. Евгений родился в Ташкенте в 1971 году. Основная деятельность – писательская, но по образованию Е. Абдуллаев – философ, занимающийся историософией.

Сухбат Афлатуни ставит перед собой цель вернуть Среднюю Азию, в частности Ташкент, в контекст русской литературы. Большая часть произведений Сухбата Афлатуни пронизана мифологемами, культурными и религиозными подтекстами, которые поднимают важнейшие философские проблемы и обращают к размышлениям о роли русского языка и культуры на постсоветском пространстве Средней Азии. Художественное творчество Афлатуни билингвально. Его герои говорят на русском и узбекском языках, что позволяет автору ввести узбекскую культуру в контекст русскоязычной литературы, образуя восточную атмосферу, со всеми её ароматами и магической притягательностью.

Анализ романа Сухбата Афлатуни «Муравьиный царь»

Роман «Муравьиный царь» Сухбата Афлатуни был написан в 2016 году. Он создавался в тени главного романа Сухбата Афлатуни – «Поклонение волхвов». Эти два произведения являют разный взгляд автора на мир. В настоящее время незначительное число научных работ посвящено исследованию творчества современного русскоязычного поэта и писателя Узбекистана. Нам известны работы Э. Ф. Шафранской [11-13], Н. А. Томиловой [10], И. С. Юхновой [14; 15], А. В. Емелиной [3], А. Б. Диденко [2]. Мы предпринимаем попытку развернутого по лекалам мифопоэтического метода анализа романа Сухбата Афлатуни «Муравьиный царь».

Роман состоит из двух частей: «Тёплое лето в Бултыхах» и «Муравьиный царь» – и имеет две сюжетные линии. На первый взгляд, их будто бы ничто не связывает, но они тесно переплетены пониманием философии жизни. В романе «Муравьиный царь» автор поднимает традиционную проблему поиска нравственного идеала, восходящую к религиозно-философскому началу.

Произведение Сухбата Афлатуни можно назвать романом-сказкой, романом-притчей, так как в нем причудливо соединились сказка и быль, пугающее и доброе, фантастическое и реальное, создающее особый тип конфликта. Основной пласт романа являет собой неомифологическую трансляцию сюжетов. Если в первой части содержится миф о вампире, который в дальнейшем получает своё перевоплощение в образах геронтов, то во второй трансформируется сказка о Колобке. Авторская задача актуализирована в разрешении вопроса о деградации нравственных устоев в современном мире, где душа навеки лишена былых надежд на любовь и веру.

В основе сюжета лежит, казалось бы, реальная судьба действующих персонажей. Однако к завершению развития сюжета становится ясно, что главными героями являются не Лена, Лёня и Михалыч, а второстепенное лицо – мать Михалыча – Василиса Петровна.

Важное место в понимании идейного смысла романа Афлатуни занимает художественный приём – различные типы повествования в каждой части. Повествователь первой части – главная героиня – Лена, а авторское повествование во второй направлено на воссоздание восприятия Михалыча, сына Василисы Петровны. Сам автор, Сухбат Афлатуни, словно взял на себя роль «бродячего философа».

Символическую функцию в понимании философской концепции романа выполняют времена года, в которые разворачиваются события. Действие первой части романа происходит летом, где чудеса природного цикла достигают своего пика: жарко светит солнце, распускаются цветы, созревает урожай, пламенно разгораются чувства – сюжет развивается во время расцвета жизни, любви и радости. Вторая часть произведения изображена зимой, являющейся символом конца цикла жизни, периодом холода, спячки и смерти. Неслучайно именно зимний холод привёл к смерти Михалыча.

Структура философского романа

Действие первой части романа «Муравьиный царь» происходит в курортных Бултыхах. Здесь рассказ о настоящей тридцатипятилетней женщине переплетается с воспоминаниями о детстве и осложняется мифологическим рассказом о девочке-вампири. Главная героиня романа Лена, в страхе за свою жизнь, на время следствия скрывается в Бултыхах. Воспользовавшись моментом, она находит двойника брата Лёни – актёра Льва Аскольдова, который сразу же принимает ее предложение сыграть роль пропавшего без вести брата. Лена задумала вернуть радость прошлой жизни своей матери и дать ей возможность почувствовать себя счастливой после распада семьи.

Героиня-рассказчица вспоминает, как они со всей семьёй приезжали в санаторий и праздновали ее девятилетний день рождения. А через 26 лет именно в этом санатории она ищет спасения от правосудия: под руинами обрушившейся крыши бассейна, строение которого разработала Лена, погибло 15 невинных людей.

Несмотря на свою невиновность, она чувствует за собой грех, винит себя в их смерти. Именно поэтому она часто ходит в церковь и ставит 15 свечей за упокоение их душ, за их очищение. Убегая от судьбы, Лена прячется в Бултыхах от людей, которые были причастны к убийству ее начальника Саньча. В конце первой части романа выясняется, что не она нанимает Льва Аскольдова сыграть роль без вести пропавшего брата, а именно те люди, которые должны были избавиться от нее. Лев должен был убить Лену в Бултыхах, но в самый последний момент план срывается. Так в структуру философского романа включается детективная интрига.

В организации конфликта ведущее место занимает сводный брат Лены – Лёник. В их отношениях сталкиваются два начала: любовь плотская (Лёника) и любовь платоническая (Лены). В первой части романа автор показывает, как зарождается страсть Лёника к своей сводной сестре – Лене. Тогда Лёник был уверен в том, что его взяли из детского дома, и Лена не родня ему. Лена тоже испытывала какие-то чувства к Лёнику, и эта платоническая любовь к брату сопровождала ее на протяжении всей жизни.

На 20 лет Лёник исчезает из жизни Лены и из сюжета романа. За эти годы он не находит душевного покоя. За что бы герой ни взялся, у него ничего не получается. Он даже начинает употреблять наркотики. Лёник изображается человеком, так и не сумевшим найти себя (таким же, как и Василиса Петровна, мать Михалыча). После исчезновения из повествования он неожиданно появляется в конце второй части, в Пантелеимоновом монастыре, где находит укрытие мать Михалыча – Василиса Петровна.

Текстовое пространство

В романе Михалыч – муж Лены, с которым она познакомилась в Бултыхах, изображен как самый невинный и добродушный человек, испытывающий самые искренние чувства. Когда они встретились, у Лены уже был пятнадцатилетний сын Лёшка. Она была плохой матерью и не уделяла времени воспитанию сына. У нее не было материнских чувств к своим детям. И уже в конце первой части Лена, забеременев, выходит замуж за Михалыча. Лишение женщины ее главного инстинкта – материнских чувств – это черта, указывающая на отсутствие смысла жизни, духовного и душевного начала. Лена становится символом современного бездуховного мира, живущего отголосками сексуальных влечений. Неслучайно мотив первых интимных ощущений к брату Лёнику проходит через все текстовое пространство первой части романа.

Вторая часть романа строится по принципу травелога. Михалыч везёт свою мать в Серую Бездну – в зону, где обитают геронты, – в геронтозорий. По пути он вспоминает свою жизнь с Леной и то, как складывались его отношения с матерью. Он осознает, что так и не понял свою мать. Кроме того, на протяжении всего пути, описываемого во второй части, его мучает мысль о том, что Лена могла ему изменить. По дороге в геронтозорий он сближается с матерью, начинает осознавать свою ошибку, и у него зарождается чувство раскаяния, чувство долга.

Во вторую часть романа включается трансформированная сказка о Колобке (о Коле-Богe). Рассказчиком является Василиса Петровна. Она была родом из той самой деревни со странностями, где держали геронтов. Именно туда, в деревню «Серая Бездна», возвращается Василиса для очищения и обретения достойной смерти.

По рассказам Василисы Петровны, у них в деревне сказки настоящие, жизненные, а не выдуманные, как это сейчас принято. В настоящем Колобке всё по-другому: дед со старухой, заяц, волк и медведь умирают, а хитрая лиса выживает и даже выходит замуж за Колобка, после чего у них рождаются дети-лисы. Правителем в деревне является их потомок Кола-Бог.

Кроме Колобка, в произведении есть такие персонажи, как врач в чёрном халате (кот-лекарь), аморальные братья Никто и Никак (внебрачные дети, которые не живут, а просто существуют). Также даётся описание геронтов, существования в геронтозории и места спасения – Пантелеимонова монастыря.

В конце романа, когда Михалыч возвращается домой, перед машиной на дороге появляется человек в чёрном халате. Михалыч останавливает машину, после чего мотор глохнет, и Михалыч умирает от переохлаждения. Так, врач в чёрном халате (кот-лекарь) символизирует собой несчастье, беду, смерть.

Трансформированная сознанием жителей Серой Бездны сказка о Колобке указывает на нравственные проблемы современности, иллюстрируя то, насколько люди бывают бессердечные, хитрые и алчные.

Смысл названия и композиция романа Сухбата Афлатуни «Муравьиный царь»

Во второй части также раскрывается смысл названия романа «Муравьиный царь». Муравьиные цари – это мужские особи, которые после оплодотворения самок умирают. В романе функцию муравьиного царя выполняет Михалыч. У него с Леной рождается дочь, а по пути в Серую Бездну он, изменяя жене, «оплодотворяет» еще одну женщину – продавщицу, которая обычно таким «нечистым» путём беременела и пополняла население деревни. Если плотские отношения с Леной строились на любви, и дочь Катя – плод этой любви, то «оплодотворение» продавщицы – физиологический, животный акт, определяющий логику смерти Михалыча.

Композиция романа определяется соотношением времён: прошлого, настоящего и будущего. Но если в первой части превалирует телесно-этическое прошлое, то вторая часть устремлена в будущее. Здесь автор поднимает эсхатологическую проблему – смерти и бессмертия. Сюжет, как мы отмечали ранее, строится по законам травелога: путь героев устремляется из дома в некий неизвестный мир, в *Серую Бездну* («Называлось оно “Серая Бездна”. Это было болотистое место с еловым леском, хорошее для охоты, но, вообще, гиблое» [1, с. 128]).

Сухбат Афлатуни не случайно называет бездну Серой. Серый цвет рождается от соединения белого (Рай) и чёрного (Ад), образуя пропасть между двумя мирами (Чистилище). Это цвет несчастья и пустоты. На Древнем Востоке в знак скорби посыпали голову пеплом. Также серый цвет в древнерусской литературе и фольклоре символизирует хищных животных. В исламе серый цвет воспринимается как злодеяние или несчастье.

Именно в Серую Бездну вечного несчастья должен отвезти свою мать Михалыч. Оба они понимают безвозвратность проделываемого ими пути. Геронтозорий, куда должен сдать свою мать Михалыч, – это место среди лесов и болот, зона, где держали бессмертных существ, для которых «*времени нет, не существует*» [Там же, с. 221]. Жизненные обстоятельства вынудили Василису Петровну переехать к Михалычу домой от сына Серёги: «*Мать с ними четыре года, с тех пор как погиб отец и к ней подселился Серёга. После очередных Серёгиных номеров мать сама позвонила Михалычу. Дала намёк понять, что нужно забирать ее, пока жива и руки-ноги целы*» [Там же, с. 123]. Всю свою жизнь она мучилась от побоев и унижений, причиняемых мужем, а после его смерти «*похудела, и на глаза сидел сыняк, Серёга хорошо поработал*» [Там же, с. 124]. Она никогда ни от кого не видела ни ласки, ни любви. Всю себя посвящала работе, не уделяла времени детям и их воспитанию: «*В их детстве она приходила поздно, была уставшей и не подпускала... В выходные она тоже гнала их гулять на улицу, чтобы не мешали. Сама чистила дом, готовила на неделю и защищалась от отца*» [Там же, с. 125-126]. Василиса Петровна везде чувствовала себя чужой. Жила в отгороженном от всего мира пространстве – и в своём доме, и в доме сына Михалыча: «*...поселилась у них и начала жить своей жизнью. Пыталась помочь, иногда варила суп или кашу...*» [Там же, с. 125]. Она хотела найти успокоение в церкви, заняться йогой, но «*на церковь обиделась и ездить перестала*» [Там же, с. 127]. Василиса Петровна была очень ранимой и пугливой, часто злилась на себя и на жизнь. Может, поэтому она смиренно принимает свою судьбу. Зная, что ее ждёт в геронтозории не смерть, а вечная мука на этой земле, она безмолвно едет навстречу страшному бессмертию. Кружочки, которые она рисует на стекле машины, выступают графическими символами той бесконечной муки, на которую она себя обрекает: «*Мать рисовала на запотевшем стекле кружочки...*», «*и дорисовывала пальцем еще один кружок*» [Там же, с. 130-131]; а затем «*резко стерла все ладонью*» [Там же, с. 131], ее охватывает страх. И чем ближе к месту назначения, к той Серой Бездне, куда Василису Петровну везёт сын, тем явственнее становится ее принадлежность к другому миру.

Апокалиптический мир геронтов в романе

Михалыч, наверное, более, чем жена, понимает, куда он везет свою мать, и внутренне сопротивляется, машина чутко передаёт его внутреннюю борьбу. Когда он решает вернуться, идет снег. И снегоочистители, работая ровно, как бы уговаривают его: «*“Всё. Будет. Хорошо, говорили (ему) снегоочистители. – Всё. Будет. Хорошо...”*», «*Не ты первый, не ты последний”*», – продолжали снегоочистители, сбрасывая лапшу за лапшой» [Там же, с. 128]. В дороге он всячески пытается угодить матери, то музыку поставит, то чаю предложит ей. В начале и в конце пути Михалыч испытывает острое ощущение вины, когда необходимо было оставить мать в геронтозории. Он обвиняет себя. «*– Что же я, мудака, делаю?..*» [Там же, с. 141] – мысленно восклицает он в первые часы после «трехопадения» с продавщицей и как бы вторит себе уже в последние минуты. Герой никак не может избавиться от чувства вины перед матерью, которую, собственно, никогда и не любил. Душа Михалыча не принимает геронтозорий.

Он не знал свою мать, не получал от нее никакой материнской любви, чувствовал только долг перед ней. Когда они приехали на место назначения и увидели геронтов, Михалычу стало не по себе, а особенно от того, что он узнал от врача в чёрном халате (человека-кота). Однако он был вынужден привезти мать в Серую Бездну, чтобы сохранить свою семью, что, безусловно, мучило героя. Он понимает, что жизнь в резервации – это жизнь вампиров, подпитывающихся энергией друг друга. Больше всего Михалыча напугало то, что следят за жизнью в резервации эки – «*им пожизненную на это заменили*» [Там же, с. 224].

Ему нужно было решиться отдать мать этим страшным надсмотрщикам, однако неожиданный жест Василисы Петровны, которая «*осторожно гладила его по спине*» [Там же], ещё более растревожил его душу. Он почувствовал себя убийцей. Мать невольно подтвердила это его чувство, вспомнив о предсказании цыганки, когда Михалычу было два года: «*Этот, говорит, тебя убьёт. И на тебя показала...*» [Там же, с. 225]. Сын с ужасом осознал, что мать всю жизнь видела в нем своего убийцу, и сдать ее в геронтозорий – это и означало убийство.

Михалыч понимает, что геронты – это существа, живущие в маргинальном пространстве, между Адом и Раем. И в то же время – между этими двумя константами находится Земля – то пространство, которое для всех геронтов является пустотой и мраком, откуда они так стремятся бежать.

Геронты – это люди, которые потеряли всякие чувства, для них время не существует – оно бесконечно. Они как зомби, которые ничего не понимают, не чувствуют, превращаются в вампиров, забирают у других время жизни и живут бесконечно. Геронты – бессмертные, но на фоне бессмертия еще ярче высветливается их мертвая душа («и умереть не могут, и жить не могут, потому что вампиры друг друга» [Там же, с. 224]). Это состояние как наказание за грехи, бесконечная мука в смертном мире, они бессмертны в этом Аду.

Когда Михалыч с матерью приблизился к геронтозорию, то увидел бежавших к машине белых худых людей – это были геронты. Отталкивая друг друга, они бросались на машину. Неожиданно двое уже болтались на капоте, остальные лезли к окнам, постукивая кулаками по стёклам. Были слышны слова, но они были непонятны. От страха Михалыч тронул вперёд, двое свалились в снег, остальные, удерживаясь, продолжали стучать в стекло. Так выглядели сбежавшие из геронтозория бессмертные люди. Писатель неслучайно создаёт подробную портретную характеристику геронтов. Это уже не люди и еще не трупы, а существа, похожие на людей. Это зрелище получеловеков ужасает читателя, Михалыча и монаха. Именно монах спасает героев и привозит их в Пантелеимонов монастырь.

Топос

Зона, где держали геронтов, была похожа на Ад, бессмертные в Аду, а Пантелеимонов монастырь – место, где получали приют все грешники, олицетворяя Чистилище, позволяющее обрести душевный покой.

Василиса Петровна пока еще живет в реальном топосе. Она готова принести себя в жертву, вернее, она даже не осознаёт, что это жертва. Она готова смириться с судьбой, потому что другой ей не дано. Она безропотно воспринимает роковую предопределённость. Вместе с тем она не может открыто радоваться тому, что может существовать в земной – срединной – жизни. И в то же время она с какой-то трепетной благодарностью воспринимает спасение, когда ее привозят в монастырь. Все равно ей хочется жить, хотя она себя не нашла в мире. И в этом, наверное, весь смысл произведения: человек в земном мире должен найти своё место, подсказываемое некоей божественной силой, хранящейся в монастыре.

В первой части романа Лена и ее мать читают в газете о том, как китайцы изобрели таблетки бессмертия, а во второй части выясняется, что на той самой фармацевтической фабрике работала мать Михалыча и много других людей, которые употребляли эти таблетки и превратились в геронтов, то есть бессмертных людей, или, говоря точнее, в вампиров, которые высасывали «у других время жизни» [Там же, с. 223].

Автор в романе «Муравьиный царь» поднимает проблему утраты религиозных, нравственных и культурных ценностей, а через описание зоны существования геронтов воспроизводит, на наш взгляд, действия современного китайского правительства, направленные против мусульман.

В романе Сухбата Афлатуни китайцы своими фармацевтическими экспериментами так же, как нынешнее китайское руководство в своих антимусульманских прожектах, убивают душу человека, превращая его в зомби. Человек, лишаясь духовной основы, не в состоянии контролировать свои действия. В современном Китае в созданных исправительных колониях отделяют матерей от детей. Дети воспитываются как будущие воины, им внушают новую идеологию, убивающую осознание духовной идентичности. Они забывают свою мусульманскую веру, свои национальные традиции и превращаются в неких людей-воинов, а точнее, в зомби. Это же происходит и в романе: люди, употреблявшие китайские таблетки, превращаются в геронтов – немумирающих существ без веры, без нации, без прошлого, настоящего и будущего. Ведь для того, чтобы уничтожить национальное и религиозное самосознание, достаточно вытеснить из мироощущения историю и культуру. М. В. Ломоносов в своём научном труде об истории славян писал о том, что «народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего» [6, с. 6].

Мифопоэтика

Соотнесенность реального и ирреального, действительного и мифологического составляет художественную особенность романа русскоязычного писателя Узбекистана, по-своему трактующего мироздание. Он написал роман-миф.

Миф – это отражение философии своего времени, попытка понять сложный и постоянно меняющийся мир. Недаром автор включает в первую часть романа рассказ о вампире, создавая собственный неомиф. Образ вампира, о котором рассказывает Лёник, олицетворяет животные инстинкты людей, связанные со страхом смерти и желанием вечной жизни, болью и удовольствием. В искусстве XXI века появляются и культивируются новые культурные мифы. Но в неомифологическом восприятии сохраняется и архетипическое зерно мифа – трактовка мира через систему фантастических символов, внеисторическое объяснение истории, изображающее положение человека, подчиненного непостижимым силам судьбы. «Неомифологизм (термин Е. М. Мелетинского [8, с. 277-278]) предстает как трансформация, метаморфоза или даже транспонирование мира, то есть разыгрывание мира в другом месте и времени» [7, с. 12].

В первой части романа Лёня рассказывает историю о девочке-вампири, которая уничтожала людей в царстве своего отца. В конце рассказа мы видим, что, несмотря на то, что она погибает, девочка-вампир всё же губит последнего человека, словно являясь бессмертной (как геронты из следующей части романа).

В качестве неомифологического пространства в произведении выступает видоизмененная художественным взглядом реальность, интерпретируемая парадоксально через фантастическую мифологию, выполняющую функцию универсальной категории человеческого существования, что закономерно влечет за собой выход за рамки исторического процесса, преодоление «ужаса истории» и бегство в воображаемый мир мифа.

Роль хронотопа в интерпретации художественного текста

Первая часть романа написана необыкновенно динамично, в переплетении, взаимодополнении сиюминутного и будущего, будущего и прошлого. Здесь автор не подчёркивает принадлежности ситуации настоящему/прошлому, реальности/ирреальности, всё настолько переплетается, что создаёт необыкновенную мифологическую картину мира. В нём где-то кусками, эпизодами соединяются воспоминания из детства (первое прикосновение к сексуальности), которые переплетаются с мифологическим рассказом о вампире, с реальной действительностью существования уже взрослого человека.

Елена – символ сексуальной красоты и красоты вообще. В ее мироощущении платоническое переплетается с плотским. Она сама не может осознать природы своего чувства к брату. Брат же Лёня – символ плотской страсти. Этот образ выполняет важную смысловую функцию – его плотские фантазии, сексуальные устремления как бы указывают на возможность формирования характера и судьбы матери Михалыча, которая жила вне плотских страстей, впрочем, как и платонических. Неслучайно образ Лёника вновь появляется в конце второй части романа, указывая на возможность развития человеческой судьбы, в которой обязательно должны соединиться два начала.

Мать Михалыча, Василиса Петровна, всю жизнь прожила без всяких страстей, и, может быть, поэтому так бесцветна была ее жизнь. Собственно, ее грех – бесчувственность. Вероятно, автор видит в ней воплощение той идеи технократии, которая утверждается в современном мире, – роботы замещают человека. Появление в конце второй части образа Лёни не только указывает на это, но и, связывая между собой, противопоставляет судьбы двух героинь. Лена, как и ее свекровь, была частично матерью-геронтом, такая же равнодушная к судьбе и воспитанию своих детей.

Во второй части романа еще ярче видно, что геронты, как и мать Михалыча, не боялись смерти, так как их души уже были мертвы. Василиса Петровна не только не испытывает страха, она лишена всяких чувств, которые должен испытывать человек. Если Лена хоть и пыталась оправдать себя, но чувствовала за собой вину, раскаивалась во всём, то этого нет в Василисе Петровне, она не чувствует себя виноватой и ни о чем не сожалеет. За ней и не было никакого греха, если только греха равнодушия по отношению к мужу, детям и жизни вообще, ведь она сама не видела любви и ласки и поэтому не давала ее окружающим.

Смерть бывает физическая и духовная. Василиса Петровна не испытывает того страха перед смертью, который испытывала, в свою очередь, Лена. Ей всегда казалось, что вот-вот ее убьют: «...грохнут до суда просто, как моего зама...» [1, с. 63]. Этот страх Лёну сопровождал на протяжении всей первой части романа. В то время как Василиса Петровна не жила, а просто существовала, у нее не было ни к чему интереса, и при этом она всегда была чем-то недовольна, ей всегда что-то не нравилось.

Перед расставанием с привычной жизнью Василиса Петровна сама не понимала, почему захотела посетить церковь, хоть и была неверующей. Родители Михалыча, «кстати, были тоже неверующие, хотя оба из деревни» [Там же, с. 165], а Лена, напротив, верила, часто ходила в церковь, видя в ней духовную опору. Однако не Лёну, а Василису Петровну принимает церковь. Пантелеимонов монастырь – это шанс очиститься и обрести покой. Перед Василисой Петровной автор открыл дорогу в жизнь (даже потустороннюю), наполненную хоть какими-то чувствами веры.

В конце произведения Михалыч умирает в своей машине в окружении 15 свечек (именно столько свечей ставила Елена в церкви за упокой погибших под руинами её архитектурного строения), которые, согревая его, усыпляют. Эти 15 свечек снимают все грехи, очищая перед вхождением в мир иной. Михалыч, по существу, умирает, как Муравьиный царь, который после греховного оплодотворения приходит к душевному очищению.

Геронтозорий – это Ад на земле для обречённых на вечное страдание. Лёня, мать Михалыча и все, кто был удостоен попасть в Пантелеимонов монастырь, оказались в Чистилище, где, очищаясь от грехов, должны были обрести покой, то есть смерть. Михалыч – единственный из героев романа, кто обретает долгожданный покой, переходя из реального пространства-времени в ирреальное.

Религиозно-философская интерпретация. Чистилище – Аъроф

Религиозно-философские размышления автора романа «Муравьиный царь» конкретизируются не только в противопоставлении категорий Рай и Ад, но и в представлении о возможности преодоления этой антиномичности, в возможности очищения, осветления, очеловечивания души. Отсюда функция образа-символа монастыря как Чистилища.

Слово «чистилище» обозначает промежуточное состояние между жизнью и смертью, в Чистилище умершие ждут своего полного очищения. Оно доступно для тех, кто покаяться в своих грехах до смерти, но не совершил искупления за эти грехи при жизни. Второй Лионский собор (1274) провозгласил, что те, кто не совершал смертного греха (т.е. серьезного и преднамеренного отворачивания от Бога) и кто получил покаяние (то есть наказание) за незначительные грехи, но умер до того, как было исполнено наказание, могли надеяться, что они будут очищены от своих грехов после смерти. *«Это “место” очищения и стали именовать “чистилищем”. Другими словами, Чистилище является действительно срединным локусом между Адом и Раем, как в пространственном, так и в аллегорическом смысле»* [9, с. 26].

В исламе существует такое понятие, как «аъроф», сущность которого аналогична «чистилищу» в его христианском понимании. Аъроф (с араб. – «الأعراف») преграда; возвышенность; башни, расположенные на стене, разделяющей Рай и Ад) – это место между Раем (Джаннат) и Адом (Джаханнам), где будут ждать своей участи те, чьи добрые деяния в земном мире оказались равными грехам. Об этом свидетельствует последнее Священное Писание – Коран (7 сура «Аъроф») [5, с. 112]. Обитатели Аърофа будут ждать милости Аллаха, приветствовать обитателей Рая и мечтать о разделении их участи, но при этом увидят ужасы адских мучений и станут молить Аллаха пощадить их (Коран 7: 46-47) [Там же, с. 115]. В конце концов Аллах пощадит их и введет в Рай [4, с. 46]. Таким образом, Сухбат Афлатуни даёт Василисе Петровне и Лёнику (сводному брату Лены) шанс очищения для обретения покоя.

Тема «уходящего города» Ташкента

Несмотря на то, что роман Сухбата Афлатуни «Муравьиный царь» не включает в себя восточный текст, автору удаётся показать читателю восточную тематику через песню «Бричмулла» (это песня о городском посёлке Ташкентской области) [1, с. 26] в эпизоде, где Лёник (Лев Аскольдов) поёт песню для «мамы» в Бултыхах. Читатель, знакомый с этой песней, сразу представляет золотую Бричмуллу осенью, горы, арбу, ишака и т.д., и всё это ассоциируется с Востоком, с Азией. Упоминание пластинок ансамбля «Ялла» [Там же, с. 47] – это тоже подтекстовое указание на Восток. Через эти песни автор поднимает тему «уходящего города» [13, с. 234] – Ташкента, звучащую практически во всех произведениях Сухбата Афлатуни, так как Ташкент для него – это город культуры, город театра со своими традициями, который бесследно начинает исчезать. Но более всего восточная тема звучит в религиозно-философском обосновании романной жизни героев, в представлении автора о разрушении человеческой культуры, души, религии в новом мире, ассоциирующемся с Адом. Неслучайно Пантелеимонов монастырь, расположенный вне времени и пространства, вне религиозных доминант, становится центром художественного осознания философии жизни в романе Сухбата Афлатуни. Автор открывает человеку возможность очищения.

Заключение

Выводы: а) роман узбекского русскоязычного писателя Сухбата Афлатуни «Муравьиный царь» – это религиозно-философский роман, основывающийся на поэтике неомифологизма: автор ставит традиционную проблему поиска нравственного идеала; эсхатологическую проблему смерти и бессмертия; поднимает вопрос утраты нравственных и религиозных ценностей, истории и культуры; б) писатель соединяет реально-психологические и фантастические элементы, позволяющие в своем соотнесении акцентировать внимание на нравственно-философских проблемах, которые выдвигает современность на российском и постсоветском азиатском пространстве; в) включение в структуру романа трансформированных мифов о муравьином царе, о девочке-вампире, сказка о Колобке, фантастические образы kota, бессмертных существ – геронтов, откровенные аллюзии на Рай, Ад, Чистилище – всё это репрезентирует глобальные общечеловеческие проблемы; г) в романе Сухбата Афлатуни «Муравьиный царь» образ Чистилища имеет смыслообразующую функцию.

В заключение следует отметить, что автор, используя слово-образ (слово-символ) Чистилище, указывает на возможность человека любой национальности и любого вероисповедания хотя бы перед смертью пройти путь духовного очищения – Аъроф.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении творчества Сухбата Афлатуни, в частности его романа «Поклонение волхвов».

Источники | References

1. Афлатуни С. Муравьиный царь. М.: РИПОЛ классик, 2016. 256 с.
2. Диденко А. Б. Проблема соотношения библейского и фантастического в романе Сухбата Афлатуни «Поклонение волхвов» // Литература в диалоге культур. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. Вып. 4. С. 70-74.
3. Емелина А. В. Роль музыки в трилогии Сухбата Афлатуни «Поклонение волхвов» // Культура и текст. 2019. № 4 (39). С. 103-114.
4. Ислам: справочник / М. А. Усмонов тахрири остида. Кайта ишланган 3-чи нашр. Тошкент: УзСЭБош ред., 1989. 207 с.

5. Коран / перевод смыслов и комментарии Э. Р. Кулиева. М.: Умма, 2002. 421 с.
6. Ломоносов М. В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михаилом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской императорской и королевской шведской академии наук. СПб.: При Имп. акад. наук, 1766. Ч. 1-2. 140 с.
7. Люсый А. П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: автореф. дисс. ... к. культ. / Рос. ин-т культурологии. М., 2003. 20 с.
8. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 2000. 407 с.
9. Обидина Ю. С. Концепция чистилища в «Божественной комедии» Данте: от языческих образов к христианской этике // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 26-32.
10. Томилова Н. А. Мотив дервишества в русской литературе (на материале творчества Сухбата Афлатуни, Тимура Зульфикарова, Александра Иличевского): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2014. 20 с.
11. Шафранская Э. Ф. Палимпсест как художественный прием в прозе Сухбата Афлатуни (рассказ «Проснуться в Ташкенте») // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: сб. науч. докл. М.: МГПИ, 2009. Вып. 8. С. 106-112.
12. Шафранская Э. Ф. Постколониальная русская литература как фаза литературы русского зарубежья (мотивы прозы Сухбата Афлатуни) // Powrócie do Rosji wierszami i proz. Literatura rosyjskiej emigracji (Вернуться в Россию стихами и прозой. Литература русского зарубежья) / под ред. Г. Нефагиной. Slupsk: Akademia Pomorska w Slupsku, 2012 (Слупск: Поморская академия, 2012). С. 420-428.
13. Шафранская Э. Ф. Ташкентский текст в русской культуре. М.: Арт Хаус медиа, 2010. 301 с.
14. Юхнова И. С. Русский культурный код в повести Сухбата Афлатуни «Глиняные буквы, плывущие яблоки» // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2015. № 2 (10). С. 81-89.
15. Юхнова И. С. «Чужие сюжеты» в прозе Сухбата Афлатуни // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 5. Ч. 2. С. 371-373.

Информация об авторах | Author information

Раджабова Гульноза Арифжановна¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

Radjabova Gulnoza Arifjanovna¹

¹ North-Caucasus Federal University, Stavropol

¹ noza140983@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.04.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): роман-притча; религиозно-философское начало; неомифологизм; геронты (бесмертные); Чистилище; novel-parable; religious and philosophical element; neo-mythologism; geronts (immortals); Purgatory.